А.А.Авраменко

«ДУХОВНОСТЬ» В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ*

Статья посвящена изучению религиозных, псевдорелигиозных и других «духовных» (нематериальных) феноменов российской провинции. Она описывает очередной этап исследования, начатого в середине 90-х гг. группой сотрудников Калужского института социологии (КаИС). В настоящее время к работе подключились сотрудники Общественной приемной Полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе (Калуга).

В общем виде исследование посвящалось идеологическим аспектам элитообразования в различных организациях. По его ходу были затронуты такие узловые моменты, как ценности (в самом общем виде), элитопостроение, гимназическое образование. Также рассматривались некоторые специальные вопросы, возникающие при изучении современного элитообразования. Проведена теоретическая работа, посвященная онтологии идеологии, причем она продолжалась в течение данного этапа исследования. Были подняты и систематизированы разработки историков, философов и отчасти богословов русского зарубежья, имеющих отношение к наиболее известному на Западе философскому направлению XX в. — персонализму[1]. Удалось воссоздать основную схему социального бытия, связываемую с так называемым евразийским направлением в социальной философии. Она основывается на таком узловом понятии общественного бытия, как этнос, рассматриваемом в роли своеобразного квазиустойчивого ориентира. Мы расцениваем этнообразование не как эволюционный процесс, а как развитие (в смысле актуализации) некоего трансцендентного этнообразующего ресурса, закладываемого в группы людей. В то же время этнообразующий ресурс может быть потерян, и этнические изменения будут проходить в рамках процессов апостасии, или отпадения людей от ощущения реалий бытия. Апостасия в легкой форме делает людей более безразличными к бытию, в более запущенном виде приводит к возникновению группового и индивидуального аутизма с развитием совершенно фантастических форм представлений о мире. «Запечатлевающий» ха-

* Исследование проводилось при финансовой поддержке администрации Калужской области и Российского гуманитарного научного фонда.

[1] Персонализм подчеркивает личностность человека, как образа Божия, и стремящегося к подобию Божественным Личностям.

рактер этнообразующего ресурса определяет использование всех ресурсов этноса — существующих внутри и вне его, материальных и нематериальных (духовных).

Построенная схема условно сменяющихся фаз этногенеза, с различными степенями и формами общественной апостасии, позволяет для каждой фазы выбирать ключевые признаки, которые присущи только ей и отсутствуют у других фаз. Так, угасание трансцендентного этнообразующего ресурса убирает те существенные положения, на которых основывались в своем бытии люди. Происходит обеднение (связанное с сознательным или бессознательным отказом) содержания пирамид ресурсов. Пирамиды ресурсов рассматриваются по следующим слоям: *базовые* (включая подслои, удовлетворяющие основные человеческие потребности, в том числе индивидуальные, социально-производственные, социально-экономические и другие); *этнокультурные* (описывающиеся, в том числе, религией, философией (включая право и этику), идеологией и организационной культурой); *сотериологические* (например, предельные — ценностные или трансцендентные ориентиры бытия, трансцендентные (предполагающие трансцендентное познание бытия по своему богу и дискретное затем изменение человека и ориентирующиеся на наиболее универсальные эквиваленты базовых ресурсов, ключевых для конкретной пирамиды[1]). Обеднение ресурсных пирамид осуществляется как в количественном отношении (с уменьшением количеств ресурсов), так и в качественном, когда ликвидируются качества (с введением анти-качеств) вплоть до удаления целых слоев (в первую очередь, сотериологического, а затем и этнокультурного). Происходит, соответственно, и удаление форм их реализации: например, в сотериологическом слое — аскетической практики, направленной на богопознание, в этнокультурном — ценностей, норм, правил. Остаются лишь ничем не подкрепляемые социальные стереотипы, привычки, которые стираются без особых усилий со стороны. При этом выходят наружу вполне животные установки до- и после-культурных форм поведения, свойственных, соответственно, младенчеству (глубокой старости) и экстремальным состояниям, когда «иррациональность» слишком сложной реальности приводит к помутнению рассудка[2]. Впрочем, можно наблюдать и консервацию в рамках какой-то этногенетической фазы, когда этнос выбрасывает из своих рядов непод-

[1] Включая, в том числе, идолы, фетиши и т.д.

[2] Предельная примитивизация представлений о мире делает иррациональным практически все внешнее воздействие: в результате человек попадает в ловушку, из которой не может выбраться. Впрочем, в таком состоянии им очень легко манипулировать.

ходящих кандидатов в члены (как худших, так и лучших), при этом автоматически присоединяясь к другим этносам в более низкой или высокой по базовой «энергетике» фазе (в качестве слуг или господ, причем необязательно, чтобы более энергичный этнос был господином).

Данная схема, несмотря на усложнение первоначально поставленной задачи, позволила представить элиту как группу, преимущественно распоряжающуюся ресурсами этноса.

Эксперты показывают, что этнические процессы в Калужской области можно охарактеризовать как *затухание* в использовании собственных духовных ресурсов. Местный преобладающий этнос настолько законсервировался, что нового элитообразования в Калужской области не происходит, по-видимому, уже много десятилетий. Любые возможные этнообразующие процессы выводят людей за пределы традиционного этноса[1]. В данных условиях основные духовные процессы, используемые этносом[2], оказываются за пределами традиционного разложения верований на осознанные и рационально описанные формы. Так, многие люди в своих предпочтениях веры выбирают нечто такое, что не связывается с известными традиционными религиями и становится «традиционным» — сектами. Более того, они не формулируют и даже не могут сформулировать предмет своей «веры». Люди в своей духовной реализации погружаются в среду достаточно простых, если не примитивных, верований, которые раньше называли суевериями. Обычно с термином «духовность» связывают нечто «высокое», устремленное к Богу, к каким-то недостижимым «высотам». Однако понятия «верха» и «низа» могут быть актуальны в условиях развитой религиозной культуры. В настоящее же время это представление для большинства людей утеряно: «высоким» может считаться как просто выходящее за пределы нынешней традиционной культуры, так и произвольно определенное положение, названное идеалом. Наблюдать широкое обожествление отдельных материальных предметов (включая людей) пока не приходится, но в целом наблюдается «возвращение» к родоплеменной языческой «почве»[3].

---

[1] Данный признак указывает на фазу регенерации, когда любая попытка гальванизации этноса убивает его.

[2] Отношение к духовности, как к «темному» божеству — ненавистному, но нужному.

[3] Приходится наблюдать тенденции схождения к такому процессу, когда языческая цель — соединение с божеством и тем самым обожествление — будет достигаться без собственно поклонения. Так, от человека, по-видимому, будут требовать лишь «осознания» этого «факта». Классическое божество представляет собой идеал, к которому люди стремятся и с которым хотят слиться. Нео-

Классическое язычество (древнее, не современное) может выглядеть довольно привлекательным, поскольку в распространенном представлении оно связывается с величественными храмами, статуями, пирамидами, захватывающими мистериями. Однако ожидания возобновления именно такого язычества не имеют оснований. Действительно древние дохристианские язычники имели свою аристократию духа (философов, жреческий слой), культовую систему, но (!!!) как следствие «недостаточной» апостасии. Сегодня же приходится довольствоваться весьма «скромным» наследием.

Знакомство с конкретными примерами нынешних верований часто затрудняется неготовностью исследователя представить, что такой примитивный взгляд на мир, людей, божественное может вообще иметь место. Исследователь одновременно и верит, и не верит своим глазам. В одной из статей о религиозно-духовной ситуации в провинции[1] мы упоминали о культивации в религиозной сфере безумия[2]. Мы полагаем, что данный феномен является последовательной редукцией представления классического язычества о присущей всему живому «божественности» как «движущей и упорядочивающей хаос силе, энерго-информации». Если бы данная «сила» представляла собой обыкновенный энергетический ресурс, при достаточном его количестве создающий новое качество, то она лишь усиливала бы естественные человеческие склонности. Однако «проявление» данной «псевдо-субстанции» характеризует людей, охваченных ею в глазах масс, как безумных и непредсказуемых[3].

Для исследователей, знакомых с христианской культурой, такого усложнения давно не существует, поскольку для них очевидно, что данный феномен в общественном сознании намеренно смешивается с шаманизмом, бесовщиной и с обыкновенным сумасшествием, в том числе самопроизвольным. Однако подражание такому «смешанному» образу выражения «силы» рождает самопроизвольную

язычник же в процессе деградации начинает видеть божества в тех предметах, которые удерживают его от полного коллапса. Иными словами, от самопроизвольной смерти его спасает обыкновенная жадность.

[1] См.: *Авраменко А.А.* Религиозная обстановка в российской провинции. Опыт социологического исследования // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 92 — 100.

[2] Это достаточно известное направление «философии абсурда», связанное с уходом в безумие.

[3] Итальянский психиатр XIX в. Ч.Ломброзо указывал на внешнее сходство между гениальными и помешанными людьми, что позволяло многим языческим народам отождествлять гениальность и помешательство. Вместе с этим он особо подчеркивал, что данное смешение характерно лишь для народов, находящихся в состоянии «дикости». См.: *Ломброзо Ч.* Гениальность и помешательство. М.; Харьков, 1998. С. 5 — 274.

психопатию у людей, желающих проявить власть, влияние, то есть в общественном сознании происходит отождествление безумия и наличия «силы». Однако и это представление подвергается редукции в ходе коллективистского обобществления. Так, в настоящее время можно говорить о феномене «разомкнутой коллективности», когда люди продолжают жить в ожидании обобществленных благ и не желают (точнее, боятся) проявлять (и обобществлять) любые свои ресурсы.

Другой подход, который мы применяем, основывается на использовании термодинамических аналогий. Если посмотреть на обобщенное «поле» человеческого бытия, то можно заметить некоторые «зоны» повышенной человеческой активности в различных областях «спектра измерений», а именно материальные и все остальные — нематериальные или духовные феномены. Мы полагаем, что духовные феномены, их интенсивность и разнообразие проявлений позволяют судить о наличии и общем уровне так называемых духовных ресурсов. Духовные ресурсы человека (как его потенциал к деятельности) мы рассматриваем в трех аспектах — в энергетическом эквиваленте, в талантах (возможностях конкретного приложения энергетичности), специальном предназначении (во времени, в пространстве, в отношениях с людьми и т.д.).

В динамическом проявлении духовные ресурсы реализуются через душевные функции человека — волевые акты, интеллект и душевные чувства. Отношение к ресурсам можно разделить по нескольким направлениям — приобретение (преумножение), сохранение, отбирание и жертвоприношение, что, собственно, и создает духовные феномены.

Понятие «духовность» связано в первую очередь с Богом христиан как с истинным Духом, трансцендентным по отношению к нашей природе существом. Затем остается представление о духах, как существах неатомно-молекулярной природы — бесах, ангелах. В них принято не верить, однако люди в рамках представлений о своей душе неявно пытаются им подражать или уподобляться. Надо сказать, что вера в душу является суеверием[1], поскольку реально можно говорить лишь о душевных функциях единого человека. Человек, по нашему мнению, скорее представляет собой особое личностное существо, проявляющее себя в двух видах природы — животной и собственно человеческой, связанной потенциально с неким другим, Божественным миром. Именно потенциал направленности в сторо-

[1] Если душа бестелесна, то как она взаимодействует с телом человека? Попробуйте задать еще несколько вполне логичных вопросов и убедитесь, что предположение о существовании души является несостоятельной гипотезой.

ну Божественного мира мы можем рассматривать как духовность. В то же время духовность может быть рассмотрена в рамках редукционной модели, когда человек последовательно представляется как: 1) личность (направленность к Богу); 2) индивидуальность (заполнение внутренней пустоты); 3) человек общественный (связи и отношения); 4) человек одномерно-виртуальный (участие в мистериях, уход в себя, шаманизм); 5) человек стадный или инстинктный (удовольствие при приеме пищи, в сексе, в ощущении безопасности); 5) человек физиологический (ощущения в определенных частях тела; 6) человек биохимический (удовлетворение, связанное с присутствием в организме определенных веществ внешнего или внутреннего происхождения — наркотиков, эндорфинов); 7) человек — физическое тело (тело материальное, а энергия и информация — «духовное»).

Отношение к ступеням данной модели может быть достаточно разнообразным, хотя и укладывающимся в рамки другой редукционной схемы, когда человек отождествляет себя с определенной ступенью, стремится к ней, учитывает ее, создает что-то альтернативное, игнорирует соотнесение с ней и активно с ней борется. Но в любом случае духовные феномены связаны с движением нематериальных ресурсов.

В свете таких представлений совершенно по-новому выявляется феномен элиты. Традиционно выделяются два типа элиты — статуса и компетентности. Безусловно, они не совсем разделяются и даже могут полностью совпадать. Однако в условиях преобладания языческих воззрений компетентность, даже разрешенная в рамках того или иного статуса (места в иерархической лестнице), может быть причиной обвинения в ведовстве (вредном проявлении материализации душевной функции) или стать основанием для принесения в жертву (для выкупа перед Природой за ожидаемые блага). Конечно же, наличие таинственной «силы» в глазах общества укрепляет страх перед таким человеком, обосновывает его власть. Однако реальная связь с такой «силой» (даже воображаемая) в кругу «соратников» (полноправных членов этнической группы) не способствует устойчивости в статусной принадлежности. Для статусной элиты гораздо проще рассматривать «без-умие» не как лишение рассудка, а именно как отсутствие умствований, полное убирание абстрактного мышления (сознательный дебилизм[1]). В таких условиях компетентность будет рассматриваться как без-умие в разновидности именно су-

[1] Объединение и однонаправленность волевых усилий, столь желанные для нео-язычников, считаются исчерпывающе достаточными. Всякие рассуждения, «оценки», естественно, будут мешать.

масшествия. Элита компетентности в таком случае автоматически переходит в разряд маргиналов. Если говорить об организационных схемах, то компетентных людей оказывается невозможным помещать в число «соратников». Их можно лишь использовать в качестве временного обслуживающего персонала — агентов[1]. Повод для отказа от услуг элиты компетентности может заключаться в обвинении утраты ими… магических качеств.

Подобная ситуация предполагает для людей, встроенных в общественные цепочки (не-маргиналов), обязательный отказ от рефлексии собственного состояния[2]. В частности, это означает, что такие люди не могут выступать в качестве полноправных респондентов социологических опросов[3]. Их ответы будут представлять следствие не объективного состояния человека, а воздействия сиюминутных субъективных факторов (в том числе желания угадать общепринятое мнение). Люди будут предпочитать демонстрировать реакцию на отдельные слова-символы, вызывающие наиболее яркие ощущения (приятные или неприятные). Элита же компетентности будет настолько активно маскироваться, что общественные идеалы будут выражаться не в тех, кто обладает действительно компетентностью, а в людях осторонних, отсутствующих. Фактически элита качества может существовать лишь виртуально, подобно «апельсиновому варенью» Л.Кэрролла («Алиса в Зазеркалье»).

Следует отметить еще один феномен российской провинции. Если ранее многие советские люди учились религии по антирелигиозной («атеистической») литературе, что легко проследить по верованиям современных православных неофитов, то сегодня наблюдается противоположное: люди воспринимают идеологические основы неоязычества через православную «антисектантскую» литературу. Мож-

---

[1] Данная градация заимствована из кн.: *Ронин Р.* Своя разведка: Практическое пособие. Минск, 1999. С. 63. Вместе с этим нужно пояснить общую картину. А.А.Зиновьев выделяет два типа объединений, производящих и распределяющих ресурсы: братства и организации. В этих объединениях основными «атомами» являются, соответственно, личности и индивидуальности. Деление же на соратников и агентов возникает в химерах (по Л.Н. Гумилеву). В эту градацию нужно привлечь еще один тип участников — внешних, а именно клиентов, как потенциальных агентов.

[2] Причины достаточно просты: административное давление, внутренний наследственный испуг и желание не выделяться.

[3] Произвольный отказ от рефлексии (произвольная апостасия!) сопровождается также рассогласованием между мыслями, чувствами и волевыми побуждениями. К этому следует присовокупить пластичность по отношению к внешнему воздействию — принуждению, заражению и др. Поэтому социологический опрос как возможность выразить свое мнение для таких людей становится бессмысленным.

но сказать, что известный труд церковного публициста диакона Андрея Кураева «Сатанизм для интеллигенции» становится учебником для нынешних младо-язычников. Данное обстоятельство значительно упрощает работу исследователя. Так, бытовые языческие схемы, описываемые в доступной литературе, приобретают серьезную значимость в условиях российской провинции. И те наблюдения, которые этнографы рубежа XIX–XX вв. сделали на материале наблюдений африканских племен центральной и южной Африки, становятся актуальными в нынешних религиозно-духовных исследованиях.

Работа с экспертами в ходе исследования региональных элит в 2001–2002 гг. показала соответствие ситуации в Калуге данной модели. Кроме этого в течение 2002 – 2003 гг. мы провели пилотажные исследования религиозно-духовной и культурной ситуации в городе. Мы опрашивали посетителей Общественной приемной и членов молодежной организации «Идущие вместе» в качестве своеобразных экспертов.

Дело в том, что проведению представительного социологического опроса должно предшествовать пилотажное исследование. Однако полученные результаты показали, что стандартный социологический опрос достаточно большой совокупности респондентов по выборке, соответствующей генеральной, представляется нецелесообразным или, по крайней мере, преждевременным. Мы полагаем, что обращающиеся в Приемную Полномочного представителя Президента являются достаточно активными представителями общества и, как элита, могут являться экспертами по такой важной проблеме, как неполноценность использования духовных ресурсов.

В ходе четырех пилотажных опросов нами было опрошено около 200 человек. Результаты оказались субъективно удручающими: среди наших респондентов *полностью отсутствует религиозно-духовное и культурное самоопределение*.

Несколько лет назад протоиерей Константин Гипп провел опрос выпускников воскресных школ по инструментарию православного катехизиса[1]. Оказалось, что носители православия довольно легко могут определяться через правильные ответы на несколько нехитрых вопросов. В нашем же случае из 117 опрошенных человек, лишь один (!) респондент смог ответить по всем пунктам правильно. Для остальных же выбор тех или иных вариантов ответа на катехизисные вопросы носил статистически случайный характер. В то же время к христианам в той или иной форме причислили себя больше

[1] Результаты его исследования докладывались во время Первых Рождественско-Богородичных чтений в Обнинске в 1999 г. О. Константин любезно предоставил их в наше распоряжение, за что мы выражаем ему свою благодарность.

80% респондентов. Конечно же, в наборах ответов можно было бы предположить другие, нехристианские религиозно-духовные позиции, однако и их никто не смог последовательно занять. В рамках так называемой одномерно-виртуальной культуры (по А.Г.Данилину) отсутствует способность рефлектировать свою религиозно-духовную и культурную позицию. Безусловно, христианами этих людей назвать нельзя, поскольку принадлежность к данной мировой религии также удостоверяется способностью к рефлексии[1]. Полагаем, что при обсуждении духовных предпочтений жителей Центральной России можно говорить лишь о каких-то более или менее христианизированных привычках, в том числе и в самоназывании.

В то же время наш опрос показал, что в Калуге существует достаточно негативное отношение к любым нетрадиционным религиозным и псевдо-религиозным организациям, которые наши респонденты относят к сектам. Причем среди них находятся организации, которые никто из специалистов сектами не считает. Более того, в нашу анкету мы поместили варианты несуществующих (!) организаций, которые калужанами также были причислены к сектам. Это неудивительно при «исповедании» так называемого московского православия (по прот. Александру Шмеману), когда внешнее (и очень торжественное, громоздкое) благочестие совмещается с внутренней пустотой и безрефлексивной уверенностью в собственное обожествление за счет одного лишь присутствия в регламентированном строе псевдо-религиозной жизни. Этот феномен можно назвать более обще «внутри-божием» (варианты: церкве-божие, монастыре-божие, веро-божие)[2]. Это вполне согласуется с безразличием к сущности божества (многие указали, что они поклоняются «просто богу»), а также с тем, что респонденты в принадлежности к религии не видят практически никаких обязанностей. Они видят в религии нечто, приносящее им мир и гармонию души, но не требующее серьезных усилий.

При построении вопросов анкеты по культурному самоопределению мы исходили из деления культур на несколько типов: почвенническую (теллурическую, коллективистскую), индивидуалистическую (западническую, хтоническую), персоналистскую (личностную) и так называемую обвальную. В последнем случае мы вводим новый термин. «Обвальную» культуру довольно трудно назвать культурой. Скорее, она является анти-культурой, поскольку основана на таких вза-

[1] Без рефлексии невозможны полноценная исповедь и, как следствие, участие в основном христианском таинстве – причастии.

[2] «Внутри-божие» представляет собой вариант пантеизма.

имоотношениях с миром, при которых мир уничтожается (в этом отношении она может считаться пост-культурой). «Обвальная» культура в качестве ориентира использует не порядок, определенность, а наоборот, беспорядок, максимальную неопределенность. Ее суть заключается в вере в чудесное преображение мира в тот момент, когда все ресурсы будут израсходованы (и чем быстрее они будут израсходованы, тем скорее это «преображение» произойдет). О делении культур на почвенническую и хтоническую более подробно описано в учебниках по культурологии, о личностной культуре можно судить исходя из западной (персоналистской) психологии, которая преподается в нынешних вузах.

Термин «личностная» также характеризует скорее не культуру, но предкультурное состояние этноса. Личностной культуре свойственны такие ценности, как личность, братство, соборность (согласие в главном и разнообразность в его проявлении). Хтоническая культура связана с законом (правовой системой), плюрализмом или свободой поиска (возможностью разнообразия без согласия, но с ограничением под патронажем законов), демократией (властью большинства, выборностью), бизнесом (свободным предпринимательством, рынком). Почвенническая культура базируется на традиции, общине, семье, Доме (с большой буквы), включая Родину, Отечество; ощущении власти от бога (власти как наместника бога), иерархичности общественного устройства. Обвальность описывается в основном отрицательно, однако для ее адептов она весьма привлекательна. Это свобода в любых проявлениях, возможность нетрадиционных браков, свободное употребление наркотиков, возможность жертвовать отдельными людьми в пользу всего общества, защита прав человека, даже если они ущемляют права других людей (имеются в виду права представителей почвеннической культуры — консерваторов), игровое, расширенное состояние сознания (не суженное, как у «консерваторов»), возможность верить во что угодно (возможность быть неадекватным общественным «консервативным» нормам), постоянные перемены и сопутствующая вера в то, что такое состояние постоянных изменений приведет к прогрессу общества.

Оказалось, что и культурной самоидентификации в нашем случае не происходит. Люди выбирают отдельные символы всех типов культур. Но на первом месте остается семья.

В следующей анкете мы попробовали конкретизировать выбор типов культур в ответах на вопросы по таким символам, как власть, начальник, личность, истина (текст вариантов, соответствующий каждой из четырех культур, см.: *Снигирев Р.Л., Авраменко А.А., Якубовская Е.Г.* Религиозные, псевдорелигиозные и другие «духовные»

феномены российской провинции // Труды регионального конкурса в области гуманитарных наук. Вып. 4. Калуга, 2003. С. 370 — 398). Было опрошено 45 посетителей Общественной приемной. Однако и в этом случае результат остался тем же: культурная самоидентификация отсутствует. Этот факт свидетельствует о том, что идет вытеснение прежней культуры с естественной в этом случае десоциализацией.

Если рассматривать культуру как своего рода панцирь, защищающий людей от десоциализации, то нынешнее состояние оказывается чреватым тем, что определяющим социообразующим фактором может оказаться феномен «симулякра» или языческого «эгрегора»[1]. А если учесть, что христианство играет чисто декоративную роль, то мы будем иметь дело с иной, языческой моделью общественного устройства.

Последний опрос посетителей Общественной приемной включал 52 респондента. Мы попытались представить изучение положительного содержания духовных феноменов также в виде выбора наиболее красочных сторон нескольких наиболее общих духовно-религиозных направлений. В первую очередь мы представили черты так называемого московского православия, когда происходит отождествление русского и православного. Причем постарались зафиксировать ситуацию именно внутри-божия («русско-христианско-божия»). Большинство наших респондентов присоединились к варианту, что «Христианство — это наша национальная принадлежность; чтобы мы ни делали, мы все равно христиане». Вторым стало персоналистское направление («Человек — личность, как образ Божий, который должен стремиться к Богоподобию»). Но третьим опять-таки стал внутри-божеский вариант («Христианство — это когда мы все вместе (объединены) и нам от этого очень хорошо»). Традиционно-катехизическое православие с его обязанностями для верующих приобрело достаточно небольшое число сторонников («Христианин должен находиться в Церкви — материально ее поддерживать, ходить на богослужения, слушаться наставлений епископа и его священников»).

[1] Эгрегор выступает как некий энергетический посредник при обмене «энергиями», «образующимися» в результате страстного, исступленного поклонения воображаемому или реальному божеству, доходящего до жертвоприношения (животных, других людей или самих верующих). Происходит своего рода перераспределение «отдаваемой» энергии. Так ли это действительно происходит, или механизм принципиально другой, тем не менее, феномен перераспределения внутреннего удовлетворения совершенно реален и имеет разнообразные видоизменения. Например, многие предприятия России имеют не производственные цели, а служат такому «духовному» удовлетворению их верхушки.

Остальные направления были представлены незначительно, например, «Русский космизм» («Весь мир, кроме человека, живет в гармонии. Человеку нужно полное послушание и абсолютное смирение, чтобы слиться с этой гармонией»); гнозис («Есть люди — посланцы высшей силы, носители частички божества; необходимо слиться с ними душой и телом»); русская языческая почвенническая религия с матерным языком в качестве культового («Использование матерных слов помогает отгонять нечистую силу, выражать свою натуру и получать от этого удовлетворение»); «народный коммунизм» («Люди, выделяющиеся, стремящиеся больше знать, обладать собственными талантами (единоличники) — основная беда России») и воинствующий атеизм («Христианство чуждо России. Если бы некоторые люди не верили в своего христианского Бога, то мы смогли бы построить высоко цивилизованную страну»).

Интересно отметить, что с утверждением «Наша религия — единственная, истинная» (без указания названия) согласились достаточно немногие.

Второй вопрос анкеты был посвящен оценке «распорядителей» ресурсов (учитывая, что ресурсы можно давать, распоряжаться ими, отбирать, мешать использовать и т.д.).

Нет ничего удивительного в том, что в число одного из главных «распорядителей ресурсов» попал Президент России. Вместе с этим наши респонденты очень критично оценили нынешнюю этно-культурную ситуацию. Это и общее безразличие, и лень, и состояние в обществе злобы, ненависти и лжи, индустрия развлечений, страсти и пороки, криминальная обстановка. И опять-таки в число главных распорядителей ресурсов попадает семья. Последними в списке лидеров находятся международные финансово-промышленные группы. Ни божества, ни Церковь, ни олигархи не получили значимых оценок.

Аналогично мы предложили оценить самоназвания национальных и однотипных групп. Оказалось, что калужане действительно ощущают себя в первую очередь членами своей семьи, несколько меньшей — россиянами, а затем русскими. Вполне правомерным считаются самоназвания «Калужский» и «Член “своих”».

Во многих социологических исследованиях используется уже ставшая стандартной шкала материального благополучия. Мы ее немного продолжили в сторону ухудшения: 1. Ни в чем себе не отказываю, включая крупные покупки. 2. В целом всего хватает, но крупных покупок позволить себе не могу. 3. Могу позволить себе только питаться, а другие вещи купить не могу. 4. Живу впроголодь. 5. Бедствую.

Вместе с этим был предложен набор оценок духовного или экзистенциального состояния: 1. Чувствую полное внутреннее удовлетво-

рение, счастье. 2. В целом внутренне чувствую себя неплохо, но особой радости не испытываю. 3. Чувствую, что чего-то внутренне не хватает. 4. Чувствую внутреннюю тоску, жажду, но не понимаю причин этого; нет сил думать. 5. Нахожусь в полном отчаянии.

Результаты оказались вполне риторичными. Богатство не приносит особой радости, тогда как среди людей с «просто достатком» есть такие, которые чувствуют полное внутреннее удовлетворение, счастье. Впрочем, среди них есть представители всех категорий духовного состояния. Аналогичная ситуация и среди людей, которые могут позволить себе только питаться. Даже те, кто живет впроголодь, не впадают в отчаяние. Лишь совершенно бедственное состояние может довести человека до последней степени духовного опустошения.

Чтобы как-то соприкоснуться с формами проявления духовности, мы попробовали оценить верования такой гипотетической группы, как духовная элита. В качестве экспертов мы обратились ко многим представителям интеллигенции Калуги и Обнинска с просьбой ответить на вопросы нашей анкеты. Однако на просьбу откликнулось всего 15 человек. Большинство отказов было связано с признанием некомпетентности в данных вопросах.

Наши эксперты подтвердили предположение, что представители калужской духовной элиты существуют виртуально — не как отдельные люди, а как некоторые «пределы». Они указали, что в обществе действительно существуют представления об идеалах, сопровождающиеся тенденцией к приближению к некоторому пределу. Выраженных же представителей духовной элиты никто не назвал. При этом эксперты указывали, что провинциальная элита — статусная (что не исключает их компетентности).

Задавался также такой довольно «провокационный» вопрос: обладает ли кто-либо из представителей духовной элиты экстрасенсорными способностями (левитация, целительство, уменьшение своего веса и т.д.). На него все эксперты ответили отрицательно.

Из организаций, связанных с духовной элитой, две трети экспертов называли местную епархию Русской православной церкви Московского патриархата и Калужский научный центр. Других учреждений эксперты не называли. Надо подчеркнуть, что наши коллеги вообще обошли вниманием организации, называемые ныне сектами, полагая, что духовные идеалы в их рамках не реализуются. Так, при ответе на вопрос о религиозных конфессиях или духовных направлениях, к которым больше всего тяготеет калужская духовная элита, они отметили в первую очередь Русскую православную церковь. В то же время эксперты указали, что большинство представителей элиты — неверующие (атеисты) и поклонники астрологии. Среди них очень многие являются сторонниками коммунизма (веры в то, что если

все обобществится, то будет изобилие ресурсов и порядок), магии, ведовства. Значительную роль для них играют такие направления, как русский космизм, экуменизм (вера в то, что все разные пути на самом деле ведут к одному богу), христианство без конфессиональной принадлежности. В ходе опроса членов организации «Идущие вместе» этот список получил лишь одну, но многозначительную поправку: в него добавился религиозно-духовный символ — «Путин» (около 80%).

Если действовать в рамках схемы, в которой субъект взаимодействует с объектом (или другим субъектом) через некий промежуточный элемент — метод, то деградация веры должна приводить к последовательному отказу сначала от объекта, а затем и от метода. Поэтому мы задали вопрос о том, действительно ли представители калужской духовной элиты осознают объекты поклонения своих религиозных или духовных направлений. Наши эксперты показали, что для очень многих религия существует для того, чтобы одни люди могли управлять другими (средство манипуляции); что это проекция на небо земных отношений. Но в то же время для значительной части существует конкретное божество, которому они поклоняются. Впрочем, находятся и те, для кого Бога нет, но религиозный культ необходим для поддержания порядка и нравственность или является источником удовольствия.

Мы также попытались выяснить, что представляет собой божество (или божества) для тех, кто верит в его существование или использует религиозные построения. В результате эксперты отметили множество вариантов, что свидетельствует о многих слабо выраженных предпочтениях (более подробно см.: *Снигирев Р.Л., Авраменко А.А., Якубовская Е.Г.* Указ. соч.). Наибольшей популярностью пользуются чисто языческие варианты пантеистический и политеистические и даже человекобожеский. Христианский Бог рассматривается с ними практически наравне. Отметим, что есть достаточно серьезная доля отмечающих сатанистские симпатии местной элиты. В данном случае мы использовали характеристику божеств, приводимую Л.А.Тихомировым[1]. Она предполагает последовательность: атеизм — политеизм — пантеизм, идущие по кругу. Переход от них предполагает либо теизм, либо человекобожие с переходом в сатанобожие.

Человек, выбравший какое-либо религиозно-духовное направление, может ему на деле не следовать, или наоборот, может действовать в рамках религиозной практики другой формы религии. Ответы

[1] См.: *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 116 — 124.

на вопрос, как, по мнению представителей духовной элиты, должен вести себя человек, относящийся к выбранным ими конфессиям, общественно-религиозным или духовным движениям (направлениям), показывают, что кроме какого-то отношения к божеству, наличествует такой феномен, как поклонение поклонению (культ без объекта культа).

Из культового поведения наиболее распространенными являются действия, направленные на укрепление своей веры (если будет сильна вера, то все будет исполняться по вере). Может показаться, что это всего лишь элемент протестантского отношения к культовым действиям. Однако при отсутствии внешнего по отношению к субъекту объекта поклонения это превращается в предпосылку для человекобожия или шаманизма. Но в целом местная элита консервативна и, в том числе, ходит в храмы (наверняка православные) и причащается, молится, а также изучает Библию. Кроме этого в элите, хотя и в меньшей степени, популярны другие оккультные практики.

Возникает вполне естественное представление, что для местной элиты религиозность часто сводится лишь к ощущению себя религиозными. С этим в той или иной степени согласились все эксперты.

Тем не менее основными для представителей элиты являются вполне христианские потребности — вера дает спасение, получение способности видеть сущность вещей. Они хотят переживать мистериальное соединение с истиной, божеством, а также быть успешными в бизнесе. Не чуждыми оказываются они и других возможностей, которые имеют разнообразное происхождение (например, возможность созерцать иные миры, получать из них информацию, получать те же ощущения, что дают наркотики, но без отрицательных последствий, соединяться с Космосом, участвовать в управлении миром). Такая «всеядность» свидетельствует в пользу того, что степень приверженности к одной «вере» у местной элиты довольно невысока и ее религиозность скорее будет исчерпываться отдельными религиозными или псевдорелигиозными феноменами.

Мы предложили оценить распространенность в среде духовной элиты некоторых феноменов, реализующихся на уровне стереотипов. Примеры таких феноменов мы брали из личных наблюдений, этнографических исследований язычества, разнообразных христианских апологетических и социологических и социально-философских источников.

Эксперты подтвердили существование большинства таких феноменов. Причем несколько более распространенным является вера в способность с помощью небольших действий изменять мир (вера в контагиозную магию). Впрочем, и остальные феномены имеют магическое происхождение. Представляется целесообразным их пере-

числить, поскольку вместе они создают достаточно полную картину существующих верований.

Магические верования включают: «Вера в способность изменять мир, делая малую часть необходимого (считая, что это малое за счет парасимпатических связей перейдет на большое)»; «Вера в способность изменять мир, имитируя или обсуждая реальные события»; «Вера в то, что лишь дисциплинированное поведение всех членов организации, общества позволяет решить все проблемы»; «Вера в то, что монастыри создают вокруг себя поле духовности, преобразующее мир»; «Вера в силу своей веры (если во что-то сильно верить, то так оно есть или будет)»; «Игры в шаманизм (вхождение в транс, вызывание духов предков, малтилог[1], медитация на символы, переход в четвертое измерение, построение меркабы, соединение с Космосом, информационным полем Земли и других планет)»; «Вера в то, что с уничтожением всякой производственной деятельности Россия наконец-то сможет перейти в четвертое измерение (когда все желания будут исполняться)».

Распространена «Вера в ведовство (представление о том, что некоторые люди обладают способностью изводить из себя какие-то силы и тем самым вредить другим людям, механизмам и т.д.)». Эксперты соглашаются, что для местной элиты в общем-то характерно «Соединение общего неверия в глобальные ценности и доверчивость к всякого рода слухам и скандальным разоблачениям». К этому присовокупляется такой «духовный» феномен, как «Употребление спиртных напитков».

Наличие в обществе разнообразных языческих феноменов всегда ограничивается суровым воздействием реального мира. Поэтому мы постарались выяснить, как калужская духовная элита оценивает свое существование по отношению к миру. Оказалось, что в большинстве своем у них наличествует представление о природе, соответствующее научному мышлению. Вместе с этим существуют и оккультные представления, и такие, которые им предшествуют. Они «Верят, что мир существует реально и независимо от них; бытие личности покоится на надежном осознании реальности; человек воспринимает себя как реальную сущность, находящуюся в непрерывном развитии» и «Верят, что существует лишь то, во что они верят, что они понимают, воспринимают, а то, во что они не хотят верить, не хотят понимать, воспринимать, не существует (они считают, что силой желания можно материализовать и дематериализовать вещи)». Вместе с

[1] *Multilog* — местный псевдорелигиозный культ, основанный на вызывании состояния измененного сознания путем длительных и утомительных «треп-собраний».

этим отмечается «Состояние обреченности перед жестко детерминированным миром».

Мы также попробовали выяснить, как духовная элита культурно самоопределяется. Оказалось, что наиболее приемлемые для нее культурные ценности относятся к почвеннической культуре. Вместе с этим присутствуют элементы обвальной и хтонической (в меньшей степени) культур. Личностная (персоналистская) культура в сложившихся условиях практически не проявляется.

Полученные данные свидетельствуют о противоречивой картине духовного состояния в российской провинции. Ее нельзя считать христианской. Скорее среда в провинции языческая, в рамках которой христианство воспринимается как внешне преобладающий, но, тем не менее, языческий элемент. Культура в основном остается почвеннической, хотя в ней серьезнейшим образом участвуют обвальные элементы. Западничество в лице хтонической и персоналистской культур присутствует в незначительной степени. В духовной картине можно выделить множество разнообразных и даже экзотических религиозных и псевдорелигиозных феноменов. На наш взгляд, представленная картина свидетельствует о языческом «духовном возрождении» России.

Итак, проведены пилотажные замеры. Они продемонстрировали всеядность и поверхностность нынешних мировоззренческих устремлений. В них присутствует все, но ничего — серьезно. Наблюдается потеря доверия к власти, традиционным общественным институтам[1]. Если использовать синергетические аналогии, то всеобщая тепловая энтропия и отсутствие аттракторов создают идеальные условия для дарвинистской эволюции. Какое грядущее общество можно предугадать (какие его признаки следует фиксировать социологу, социальному философу, а то и психиатру)? На этот вопрос можно ответить, учитывая интерес нынешних «теоретиков» нео-язычества к антихристианским «прогнозам», описанным в христианской литературе (например, к толкованиям Откровения Иоанна Богослова).

[1] Это результаты предвыборных исследований во время последних выборов в Государственную Думу РФ.